

Глава 12

РЕТРОСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ X-ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

*Нельзя быть в вечном
противоречии с историей своей
страны.*

В.В. Путин

Обозреть развитие экономической мысли России за последние столетия - задача, непосильная по масштабам и сложности для одной главы. В то же время можно выделить отчетливую тенденцию в национальной экономической мысли, а именно: последовательное стремление к изучению особенностей хозяйственной системы, обозначаемой нами термином X-экономика. Именно это стремление характеризует российскую экономическую мысль как самостоятельное явление. Оно позволяет осознанно говорить о российской экономической школе, которая имеет собственные результаты и теоретические достижения.

Особенностями российской школы экономической мысли, образцы которой представлены в настоящей главе, являются следующие объединительные воспроизводящиеся черты:

- размышление в рамках так называемой **объективистской парадигмы**, признающей естественный, объективно существующий характер хозяйственных процессов, "неконструируемость" людьми существующих экономических законов;

- **социальность**, а точнее, социологический характер экономических представлений, выход за пределы собственно хозяйства при анализе экономических проблем;

- рассмотрение экономических явлений не с позиции западного "методологического индивидуализма", когда в центре исследования находится homo economicus, а в контексте массовых и институциональных процессов, так называемый **холистический подход**;

- констатация наличия "**другой экономики**" с присущими ей экономическими законами, отличающейся от европейской.

12.1. Духовная политическая экономия Ивана Посошкова (XVIII в.)

В качестве первой концептуальной схемы, с которой, на наш взгляд, можно "начинать отсчет" российской экономической школы, выбраны взгляды Ивана Тихоновича Посошкова. Наиболее полно они представлены в его солидном труде "*Книга о скудости и*

богатстве" 1724 г., который он собственноручно писал три года и представил затем государю Петру I. Почему мы выбрали именно эту работу?

Наука в России, официально начавшись с учреждения "Академии наук и курьезных художеств" в 1724 г., была представлена тогда и многие последующие годы исключительно академиками-немцами, т.е. иностранцами.

И.Т. Посошков написал свой знаменитый труд до начала распространения в нашем отечестве заимствованных зарубежных теорий "при отсутствии знакомства хотя бы с начатками западноевропейской экономической науки", как отмечается в известном энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Поэтому его исследование является не только первым, но и "чистым образцом" российской экономической мысли. В то же время это - одна из первых успешных, как это не раз отмечалось (*Научные труды Международного Союза Экономистов и Вольного Экономического Общества России*, 2003), попыток анализа устройства всего российского общества, что соответствует заявленным критериям отбора анализируемых работ.

Наследие И.Т. Посошкова, признаваемого с 1842 г. первым русским экономистом (именно в этом году М. Погодин впервые напечатал его главную работу - "Книгу о скудости и богатстве"), постоянно анализируется в разнообразных методологических позициях. К нему примеряют положения современных ему меркантилистов, упрекают в приверженности идеям физиократов, описывают его выводы как образец анализа "феодальных отношений" и т.д. Но насколько правомерно помещать концептуальное видение Ивана Посошкова в рамки конкретных, а часто - чуждых ему методологических концепций? Не становятся ли они "прокрустовым ложем" для концепции, в котором пропадает живое, нестандартное, иное содержание его политической экономии? Попробуем провести разбор замечательной работы нашего соотечественника, не навешивая ему известных идеологических ярлыков. Будем анализировать его собственный "утаенно от зрения людского трелетным трудом" написанный текст лишь с точки зрения представленное™ в нем отмеченных выше акцентов, характеризующих специфику самостоятельной российской экономической мысли.

В свое время Н. Павлов-Сильванский, исследовавший труды и доношения так называемых "прожектеров" петровской эпохи, делил их на два типа. Он различал среди них крайних западников, знакомых по личным впечатлениям с Западной Европой и предлагавших широко использовать западноевропейский опыт в области государственных учреждений, экономики, техники и культуры. Другую группу авторов прожектов он называет "московскими прогрессистами". Эти люди сочувствовали лишь некоторым сторонам деятельно-

сти петровского правительства, внедрявшего европейские правила, являясь более приверженцами сложившихся традиций "московской старины". К числу "московских прогрессистов" Н. Павлов-Сильванский относил и Посошкова (*Павлов-Сильванский*, 1937. С. 42). Полагаем, что справедливо согласиться с такой оценкой Павлова-Сильванского.

Действительно, являясь "прожектером", т.е. лицом, подающим царю доношение об улучшении тех или иных сторон государственной жизни (очень популярный вид деятельности в петровские времена, спровоцировавшей всплеск инициативы всех слоев населения), Посошков не выходит за рамки "естественных предложений". Как

правило, он формулирует их, исходя из сложившегося порядка, отмечая необходимость дать ему проявиться в полной мере.

Характерно его обоснование улучшений в земельных делах. "Землю сотворил Бог недвижимо и владение земли, аще и переходит из рук в руки, обаче она стоит неподвижно. Того ради и аще побор с нея учинить, может он недвижим быть и состоятелен он будет" (Посошков, 1937. С. 270). Та же мысль прослеживается и в других его рекомендациях. Он апеллирует к установленным Богом правилам, которым и надо следовать. В данном случае это не только и не столько обычная дань официальной идеологии, которой грешат рекомендации представителей общественных наук во все времена. Читая труд Посошкова, нельзя не почувствовать его веру в то, что жизнь развивается "по правде". Именно поэтому он надеется быть услышанным. Отмеченные им многочисленные проблемы не отменяют естественного хода ощущаемого им порядка, они лишь досадно тормозят его.

Поэтому труд Посошкова, человека, несомненно, верующего, может, на наш взгляд, рассматриваться как пример рассуждений в рамках объективистской, материалистической парадигмы, характеризующей школу российской экономической мысли. В целом он принимает сложившиеся установления и поэтому не согласен с необходимостью коренных преобразований, о которых часто и поверхностно говорят люди, увидевшие где-то нечто и не задумывающиеся о том, насколько это применимо в конкретных условиях. Посошков рассуждает именно применительно к данным условиям, признавая естественный характер окружающей его реальности.

Специфика и ширина его подхода к анализу хозяйственных процессов делает неправомерным отнесение Посошкова к известным и, как правило, "узконаправленным" экономическим школам - меркантилистам или физиократам. Его подход, на наш взгляд, можно назвать социальным, вернее, социологическим. Почему социологическим? Потому что именно социология выделяет экономику, наряду с политикой и культурой (идеологией), как одну из общественных подсистем. Тем самым в социологии экономические отношения ап-

- 216 -

риори вписываются в контекст общественной жизни, рассматриваются одной из сторон функционирования социума как единого целого. Соответственно, анализ экономических проблем оказывается невозможным без одновременного рассмотрения особенностей политических и культурных компонентов данного общества: они и дают ключ к пониманию сущности хозяйственных процессов, и одновременно являются их логическим социальным продолжением. Именно такой подход представлен в работе Посошкова "Книга о скудости и богатстве".

Действительно, первая глава книги называется "О духовности". С самого начала своего труда Посошков обращает внимание читателя на духовные, культурные основания российской жизни. "Первее же предложим расположение о духовном направлении..." (Там же. С. 101), - пишет он, полагая невозможным без этого рассуждать о хозяйственных делах. Объектом рассмотрения для него служит главное

духовное и идеологическое основание социальной жизни российского государства того времени - религия православия. Посошков рассуждает о роли православия и важности авторитета его служителей. Понимая значение общей идеологической платформы для единства общества, он озабочен распространением и укреплением православной веры в России. В качестве конкретного шага он предлагает обязательное и повсеместное внедрение образцового, по его мнению, труда "Камень веры", где "правильно" изложены основы православия. "И ради утверждения в вере и ради охранения от лютеранския и калвинския и от прочих иконоборцев напечатать книг, колико надлежит, "Камень веры", иже блаженные памяти преосвященный резанский митрополит Стефан Еворский сочинил, и книг по пяти-шти в школу отослать, и чтобы тот многоценный Камень желающий презвитерства затвердили его на память..." (Там же. С. 111). Здесь мы видим и осознание важности Посошковым духовной сферы, и заинтересованность в ее развитии путем распространения общих идеологических стандартов.

Не меньшее внимание обращает Посошков на устройство политической жизни. Отдельная, третья глава его работы - "О правосудии". Но замечания по поводу проблем и усовершенствования того, что традиционно называют политической сферой, присутствуют и в других главах его работы, например, "О купечестве" или "О царском интересе". Он рассматривает вопросы представительства разных групп населения в решении важных государственных вопросов и предлагает процедуры их участия, высказывается о правах и обязанностях граждан в хозяйственной сфере и управлении, дает рекомендации по созданию необходимых, на его взгляд, звеньев управленческой системы, позволяющих четко реализовать бщегосударственный, или царский, как Посошков его называет, интерес.

- 217 -

Особенностью подхода Посошкова является поиск необходимого баланса между сохранением централизованного начала, выражаемого властью государя, и волеизъявлением всего населения, без чего невозможно, по его мнению, эффективное управление таким огромным хозяйством. Посошков считает необходимым узаконить норму "совершенного общесоветия" при принятии судебника, Уложения. Такая процедура может служить своеобразным механизмом "обратной связи" в системе централизованного управления. С одной стороны, посредством этого механизма осуществляется перцепция новых легитимных правил всеми теми, кому они адресованы, т.е. "освидетельствование" новых законов "вольным голосом". "И написав тыя новосочиненные пункты, всем народом освидетельствовать самым вольным голосом, а не под принуждением" (Там же. С. 162). С другой стороны, через предлагаемую процедуру можно проводить усовершенствование законодательства, если этого не успевают сделать центральная власть. Так, если какого-то важного для жизни указа нет, то новые статьи "написати и изложити по его государеву указу общим советом" (Там же. С. 72). Более того, "И аще кто узрит какую неправостную статью, то бы без всякого сумнения написал бы, что в ней неправости, и ничего не опасаяся, подал бы ко исправлению тоя книги, понеже всяк рану свою в себе лучше чует, нежели во ином ком" (Там же. С. 163). Отчетливо прослеживается стремление Посошкова превратить этот путь в систему, в государственный институт, в общее

правило всей политической жизни страны, ибо, как он пишет, "И того ради без многосоветия и без вольного голоса никоимы дела невозможно..." (Там же).

Но, внимательно вчитываясь в текст его книги, понимаешь, что предложения Посошкова о "многосоветии" и "вольном голосе" выступают как дополнительные мероприятия, не заменяющие, но усиливающие, поддерживающие централизацию власти. Наиболее отчетливо его представление о верховенстве централизованного начала в политической системе России просматривается при разборе судебной системы. Посошков убежден, что судебная власть не может доминировать в Российской империи, и полагает, что над судами должен быть государь. "И ради самая твердости в судах и во всяком правлении, чтобы от правосудия ни много, ни мало судьи не колебались, надлежит учинить особливая канцелярия, в которой бы правитель был самый ближней и верной царю. Еже был он бы око цареву, верное око, иже бы над всеми судьями и правителями был вышний и за всякими бы правителями смотрел властительно и никого бы кроме бога да его и.в. [Императорского Величества. - С.К.] не боялся...И у всех "коллег и у канцелярий прибить печатные листы со изъявлением таким: буде судья или подьячей какую учинит в деле неправду, то приходили бы в тое канцелярию, то всякому лицу будет там управа" (Там же. С. 165-166).

- 218 -

На наш взгляд, можно уверенно говорить, что для Посошкова экономическая действительность неотрывна от действующих в обществе политических и нравственных законов. Если Адам Смит по праву считается основоположником "политической экономии", то об Иване Посошкове можно говорить как об основоположнике "духовной политической экономии", где экономика, политика и духовная жизнь, идеология выступают равноправными координатами рассмотрения общества. Концентрируясь на анализе хозяйства, он не выпускает из виду его взаимосвязи с этими общественными подсистемами. Тем самым мы считаем Посошкова первым выразителем общесоциологического взгляда на экономические процессы, что характеризует особенности начавшейся с его трудов российской школы экономической мысли.

Третьей особенностью мышления Посошкова, характерной для теорий российских экономистов, является акцент на действиях больших социальных групп людей и общих правил, на анализе социального целого, а не на поведении отдельного "экономического человека". Западные экономисты традиционно выводят экономические и социальные законы из природы человека, его рациональности, индивидуального интереса. Согласно их методологии, именно достижение этих интересов и формирует, в конечном счете, структуру складывающейся в обществах институциональной среды. Иной подход в рассуждениях Посошкова. Рассматривая, казалось бы, конкретные вопросы межевания земель или организации торговых мест, мероприятия по развитию промышленности или художеств, он смотрит на это сквозь призму государственного, общероссийского интереса. Неслучайно девятая, заключительная, глава - это глава "О царском интересе". Царь здесь, на наш взгляд, выступает своеобразным актором, персонифицирующем казенный общероссийский интерес.

Соответственно, законы социального поведения дворянства,

купечества, крестьян или духовенства Посошков выводит из того, насколько оно содействует достижению этого общего интереса; этим и продиктован характер его рекомендаций. Примером может служить уже упомянутое предложение о распространении среди священнослужителей книги "Камень веры", чтобы на ее основе укреплять единство православия в стране. Другими примерами являются предложения Посошкова по улучшению экономических порядков, которые будут рассмотрены ниже.

Четвертой особенностью наследия первого русского экономиста, и наиболее, на наш взгляд, важной, определившей, в конечном счете, вклад российской экономической школы в мировую науку, является рассмотрение хозяйства России как принципиально иной экономики, в которой действуют качественно отличные от европейских стран хозяйственные законы и категории.

- 219 -

Прежде всего это касается отношений собственности. Посошков подчеркивает в своем труде общегосударственный, "царский" характер собственности как на средства производства (представленной в тот период преимущественно землей), так и на рабочую силу (крестьян). Рассуждая об ограничении прав помещиков распоряжаться пожалованной им землей под условие "государевой службы", Посошков пишет: "Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время, того ради и царю воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная" (*Там же*. С. 65). То же пишет он и о крестьянах: "Крестьянам помещики не вековые владельцы..., а прямой им владетель всероссийский самодержец, они владеют временно" (*Там же*. С. 254), "Помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые" (*Там же*. С. 259).

Опираясь на эти цитаты, ряд исследователей полагают, что Посошков отмечает феодальный характер помещичьего землевладения (*Предисловие Кафенгауза* в цит. книге. С. 67), сохранившийся в отсталой по сравнению с Западной Европой Руси. На наш взгляд, это весьма поверхностное суждение. Сущностью феодализма является, как известно, развитие и укрепление частно-правовых отношений. Они выражались в распространении *иммунитетов*, фиксирующих закрепление земли, судебных и налоговых функций за отдельными собственниками. Неслучайно феодализм рассматривается как закономерная фаза в развитии товарного производства и рыночных экономик (К. Маркс). Понятие феодализма в экономической жизни почти синонимично понятию раздробленности, хозяйственного обособления. Посошков же, наоборот, подчеркивает единый характер собственности в стране, независимо от того, за какими экономическими акторами она закреплена. Из этого вытекает как возможность установления единых правил ее использования, так и необходимость централизованного контроля за исполнением этих правил для соблюдения "государственного интереса".

Убедительным доказательством именно такого взгляда Посошкова на устройство хозяйственной жизни в России служат его предложения по развитию торговли, промышленности и денежному обороту.

Посошков, который сам был купцом и которого часто представляют выразителем интересов купеческого класса, был, на наш взгляд, человеком прежде всего государственным и настоящим мыслителем. Он

смотрел на экономику страны как на единое пространство. Соответственно, он понимал, что все процессы в нем не могут не осуществляться по общим, естественно сложившимся законам. То, что Посошков полагал необходимым для эффективного использования государственной собственности, то же он полагал необходимым реализовать и в торговле. Так, он стремился к тому, чтобы купцы торговали строго организованно и "с воли командира своего и по

- 220 -

согласию купечества, поставя цену товару своему, отпускали бы за море и за прочие рубежи русские товары, как богатые, так и убогие, с воли командира своего по общему согласию кампанства, чтобы никому обиды не было" (*Там же*. С. 198). Также он считает возможным проведение единообразной политики в отношении привозимых товаров, "Мы в своем царстве с воли монарха своего волны на привезенные их товары цену налагать" (*Там же*. С. 210).

Пожалуй, более всего несовпадение взглядов Посошкова и положений классической политэкономии обнаруживается при обсуждении способов ценообразования. Он являлся убежденным сторонником однообразной указной цены, предписанной властями, называя ее "установленной ценой". Для поддержания этой цены Посошков считал необходимым вменить в обязанность сотским и десятским наблюдать, чтобы торговцы "цену брали ... по чему коему товару цена положена" (*Там же*. С. 196).

Механизм ценообразования обнаруживается им не в рыночных обменах, а выводится из специфики экономического и политического устройства России, имеющего централизованный характер. Вот как он об этом пишет: "Царь наш не купец, но самодержавны повелитель, как чему повелит быть, тако и подобает тому быть неизменно и нимало ни направо, ни налево неподвижно. Яко Бог всем светом владеет, тако и царь в своем владении имеет власть и по его царской власти надлежит всякой вещи быть постоянной и похвалной и чтобы меры везде равные, и цене подобает быть равной и никогда неизменной, како в хлебородном году, тако и в недородном" (*Там же*. С. 295). На все товары следует "положить цена установленная, чтобы она какова была в первой лавке, такова бы и в последней" (*Там же*. С. 54), т.е. считал, что можно "цену устанавливать царским указом, а не мужичьим уставом" (*Там же*. С. 302). Непонимание такого подхода выражали даже современники Посошкова. Так, на страницах его рукописи обнаружена помета, сделанная неизвестным возмущенным читателем: "Старик, нельзя одной цены уставить, веть товару имя одно, да добрата не одна. Ину пору уж и ты врьошь!" (*Там же*. С. 198). Интересно, что бы сказал этот читатель, узнав, что спустя почти 300 лет в его родном отечестве действует именно такой порядок, когда правительство устанавливает обязательную единую цену, или тарифы, на электроэнергию по всей огромной стране?

По-иному смотрит Посошков и на место торговли в системе экономических отношений. Если в западных экономиках торговля (в широком смысле) составляет ее суть, то в России, полагает Посошков, торговля должна быть обособлена и контролируема. Тем, кто захочет торговать, "...надлежит им прежний свой чин оставить и записаться в купечество и промыслять уже прямым лицом, а не пролазом... И без согласия купеческого командира утайкою ничего

по-прежнему, воровски, ничего не делать и пошлинного платежа ни малого числа не таить" (*Там же*. С. 193). Соответственно, показательно его - русского купца - отношение к конкуренции, традиционно полагаемой двигателем торговли и всего рыночного механизма. Вот как он высказывается на эту тему в другом своем сочинении "Завещание отеческое к сыну", где советует тому, если он вступит в купечество, следующее: "Купцов от чужих лавок не презывай и товару своего, аще и добр, не весьма выхвалявай" (*Там же*. С. 53).

Последовательно реализуя свое понимание экономического строя России, Посошков по-иному смотрит и на роль денег. В его понятиях ценность денег определяется государственной властью. "И тыи иноземцы хошут то учинить, чтоб и у нас в Руси денги были по цене в них положенного товара... У нас же денги надобно бы сличать по власти королевской" (*Там же*. С. 56), "И делать бы их не по иноземчески, по цене меди, но по изволению его и.в." (*Там же*. С. 313).

Не вдаваясь в детальное обсуждение сложнейшей проблемы денежного хозяйства (до сих пор внятно не разрешенной российской экономической наукой), нельзя не отметить взаимосвязь этой темы у Посошкова со всеми экономическими, политическими и нравственными устоями российского общества. Завещанное им понимание российских денег "с учетом особенностей экономики, в условиях которой они функционируют" (*Андрюшин*, 2002. С. 207), начинает реализовываться, на наш взгляд, лишь в последние годы.

Не ограничиваясь исследованием сущности российского экономического порядка, Посошков дает рекомендации по самым разным вопросам. Некоторые из них мы можем увидеть осуществленными спустя столетия, естественно, в модернизированной форме. Так, мы осуществили предложенную им государственную монополию внешней торговли. В полной мере была реализована система планирования посредством нормативов, которые Посошков в свое время называл уроками ("И не токмо во одних черных работах надлежит учинить, но и в художных делах, как в русских, так и иноземцах, надобно такожде учинить, чтобы всякая работа давать им уроками ж" (*Посошков*. С. 283)). Решается задача размежевания всей российской земли по единым правилам и закрепления этого межевания "в книгах чертежных", чтобы затем "и положить их одну в Москве, а другу в Санкт-Петербурге, а третью в том городе, коему та земля присудна" (*Там же*. С. 267).

На наш взгляд, и разбор концепции, и практическая реализация предложений нашего первого экономиста показывают, что суть и особенности российской экономической системы ухвачены им весьма верно. Он точно показал, что природа экономики в России носит отличающийся от европейских экономик характер, и это требует, как бы мы сегодня сказали, "построения необходимого, специального понятийного аппарата".

Таким образом, работу Посошкова можно считать первой в ряду исследований российской экономической школы, отличительными особенностями которой являются объективистское мышление,

социологическое видение экономических процессов, холистический подход и выявление "другой экономики".

12.2. Русская политическая экономия Сергея Шарапова (XIX в.)

Двигаясь дальше по оси времени и осматриваясь в интеллектуальном пространстве XVIII и XIX вв., обнаружим весьма мало работ, отвечающих заявленным выше критериям российской школы экономической мысли. Связано это, по-видимому, с тем, что в этот период культура и наука России через прорубленное Петром I окно в Европу активно впитывали новые образцы, теории, взгляды. Пушкин (который сам был гениальным исключением из этого общего правила) так сказал о своем времени: "ученость, политика и философия еще по-русски не существует..., все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке" (*Пушкин, 1974-1978. Т. VI. С. 229-230*).

Зарубежная экономическая теория служила, с одной стороны, формой осмысления экономической реальности России в иных, заимствованных категориях. С другой стороны, она выступала основанием для критики российских порядков, отклонявшихся от "правильного", теорией описанного способа ведения хозяйства. Но анализ реальности не стал в те годы основой для формирования собственных концепций. Критика крепостничества и существующей системы носила преимущественно эмоциональный, гуманистический характер. Фигура барина, варварски эксплуатирующего подневольный труд крестьян, заслоняла собой реальные экономические отношения, что затрудняло их беспристрастный анализ.

В XIX в. возрастает неудовлетворенность "разрешительной силой" зарубежных экономических теорий в отношении России. Этот век был емко обозначен Блоком как "Век расшибанья лбов о стену Экономических доктрин...". Этот поэтический образ отражает реальное состояние экономической отечественной мысли, бившейся в поисках собственных смыслов. Активно предпринимались попытки формирования самостоятельных подходов, поскольку, осваивая теоретические достижения Запада, российские ученые все более понимали их неприменимость в национальном контексте. В этом ряду находятся известные поиски отечественных славянофилов. В большей мере они отражали социально-философские и политические идеи, но были среди примыкавших к этому направлению и работы эконо-

- 223 -

мического профиля. Не сформировав широкой экономической платформы, они тем не менее отражают особенности "русской политической экономии", и поэтому мы полагаем необходимым хотя бы кратко охарактеризовать их поиски как звено в цепи развития школы российской экономической мысли.

В поле нашего анализа мы включили работы малоизвестного в широких научных кругах Сергея Федоровича Шарапова (1856-1911). На наш взгляд, он был не только крепким сельским хозяйственником и ярким публицистом, но отличался основательными разработками экономических вопросов. В 10.1 мы уже цитировали С.Ф. Шарапова в связи с анализом финансовой системы России, сопоставляя его выводы с выводами австрийского экономиста Й.А. Шумпетера. Исследования

С.Ф. Шарапова представляют одну из наиболее успешных попыток преодолеть ограниченность славянофильского учения. По мнению О.А. Платонова, "Шарапов без преувеличения является классиком русской экономической мысли, еще до конца не понятым и не оцененным" (*Экономика русской цивилизации*, 1995. С. 253). Основной экономический труд С.Ф. Шарапова - "Бумажный рубль (его теория и практика)". Несмотря на скромное название, в ней концентрируются важнейшие основы экономики русского самодержавного государства.

Особенностью подхода Шарапова, определившего его место как исследователя X-экономики России, является анализ самобытных черт русской хозяйственной системы, условия которой совершенно противоположны условиям европейской экономики. Поэтому мы можем охарактеризовать совокупность его взглядов как "русскую политическую экономию", которая начала складываться в России параллельно с адаптацией западных политэкономических доктрин. Вслед за Посошковым, Шарапов также полагал, что наличие общинных и артельных отношений придает русской экономике особенный, нравственный характер. Русские крестьяне здесь являются коллективными землевладельцами, и им никогда не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них. Отсутствие доминирования частной собственности на землю рассматривается им как необходимое условие выживания земледельцев и развития российского аграрного хозяйства.

Идеалом Шарапова, как и Посошкова, была независимая от западных стран развитая российская экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. В своих работах Шарапов пытается показать, что государство как живое выражение мирского, соборного начала, может быть чрезвычайно творческим и могущественным, если оно построено "не на эгоистическом начале *договора*, а на нравственном - *доверии*" (*Шарапов*, 1995. С. 255). Даже покупательная стоимость рубля, по мнению Шарапова, должна базироваться на нравственном

- 224 -

начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением. Самодержавное государство, по мнению Шарапова, играет и должно играть в экономике России ту роль, какую на Западе играют крупнейшие банки и биржи. Поэтому вместо колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, Шарапов предлагал введение абсолютных денег, находящихся в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение.

Он описывает ситуацию, при которой государство одной рукой берет деньги, а другой - выдает, и по движению вкладов судит о состоянии промышленной и торговой деятельности в стране. Рост числа вкладов означает застой промышленности, для ее оживления уменьшается процент платимый и процент по выдаваемым ссудам. "Если все равно деньги накапливаются - можно начинать новый проект вроде Сибирской железной дороги или другое масштабное государственное предприятие. Рост числа требований на деньги означает оживление торговли, нужду в денежных знаках, что означает возможность повышение процента. Если, несмотря на это требования

на ссуды продолжают увеличиваться, значит, Центральному народнохозяйственному учреждению необходимо осуществлять выпуск новых дензнаков" (Шарапов. С. 291-292). Поэтому Шарапов полагал невозможным вывести центральный орган денежного обращения из системы государственных учреждений и сдать его особому акционерному обществу. В то же время в его схеме разделены Государственный банк, ведающий народным денежным обращением, и Государственное Казначейство, которое ведает государственными приходами и расходами. При этом Госбанк остался в ведомстве Министерства финансов, разграниченный (на бумаге) по своим оборотам от оборотов Государственного Казначейства (Там же. С. 299-300). Система государственных финансовых учреждений видится им следующим образом (Там же. С. 312-314). Наверху стоит отдельно *Державная Казна*, ведающая государственной росписью (доходами и расходами государства), а также его собственными капиталами и доходами, означающими долю государства в созданном с его участием имуществе (это Государственное Казначейство). Рядом - Большая Казна, или Государственный банк, ведающий денежным обращением, народным кредитом и денежною частью всенародных государственных предприятий. Внизу - в губерниях и уездах - сеть приказов Большой Казны, где слиты учреждения Госбанка и Казначейства; Казна ведет операции с частными и государственными суммами. Это позволяет иметь точный учет общего денежного обращения и данные о состоянии счетов Казначейства.

Задача Большой Казны (Госбанка) - управление денежным обращением посредством приема и выдачи вкладов во всех своих

- 225 -

приказах, ссуд, установление промышленного и земледельческого кредитов, выпуск и уничтожение дензнаков. Частные банки не смогут конкурировать с государственным, где кредит более выгодный, им останется довольно выгодная область - общества взаимного кредита.

При системе ссуд и вкладов, регулируемых центральным государственным учреждением (в виде вкладов сохраняются и государственные запасы), денежное обращение является точнейшим отражением явлений жизни и относительного положения труда и капитала в каждую данную минуту. Большая Казна (Госбанк) эти запасы создает, а Казначейство их расходует вместе со средствами, собираемыми с народа на государственные расходы. Они (запасы) хранятся и учитываются во вкладах наравне с другими капиталами, частными и государственными, но расходуются, как балласт на корабле, для поддержания его устойчивости. Если государство начнет организовывать свои предприятия, то оно может уменьшить подати.

Подход Шарапова менял современные взгляды на налоги и таможенную систему, он соответствует уже обозначенной нами в 10,2 специфической роли налогов в X-экономике.

Особо следует отметить, что Шарапов не был противником частного предпринимательства, но считал, что оно должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство и дополняя общественное хозяйство (см. табл. 1).

12.3. Политическая экономия социализма (XX в.)

Перейдем к анализу следующего направления российской экономической мысли, получившего название "Политическая экономия социализма". Корни политэкономии социализма традиционно и справедливо усматривают в марксистском учении о коммунизме. На это прямо указывали и сами разработчики ее основных положений, и многочисленные последователи. В то же время - и это также справедливо, - данное учение рассматривается как теоретическое достижение советской эпохи, продукт практической реализации заимствованных положений в конкретных условиях, что обогатило и в ряде позиций существенно изменило исходный образец. Само название указывает на то, что это - иная доктрина. Именно поэтому возникла в начале 1950-х годов идея написания специального учебника, в котором необходимо было изложить основные положения новой экономической теории, - работ Маркса и Ленина уже оказывалось недостаточно.

Пришло ли время для академического анализа положений этой доктрины, составлявшей идеологический базис советского общест-

- 226 -

ва? Общества, в оценке которого еще не достигнуто консенсуса - для одних это "мрачное прошлое", для других - "неудавшийся социальный эксперимент", для третьих - "время великих свершений". На наш взгляд, время для такого анализа настало.

Продолжим следование избранному подходу и вновь обратимся к первоисточнику. В данном случае им является хрестоматийная работа И.В. Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" (*Сталин*, 2002. С. 219-301), в которой подводятся итоги дискуссии 1951 г. по поводу проекта учебника по политической экономии. Высказанные в этой работе положения легли в основу всех последующих учебников, издававшихся в стране.

В данной работе, если читать ее непредвзято и спокойно, можно увидеть и логические противоречия, и непоследовательность по ряду фиксируемых позиций, и очевидно политизированный, т.е. ориентированный на субъективно понятые задачи момента, характер. Тем не менее взятая как единое целое, она, несомненно, представляет собой определенное теоретическое достижение и содержит набор характерных черт, отражающих специфику российской экономической мысли.

Первая характерная черта - объективистская парадигма восприятия происходящих в обществе процессов. Политическая экономия социализма, базирующаяся, как это декларировали ее основатели и последователи, на философии исторического материализма, четко заявляет, что "законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей" (*Там же*. С. 219), и никакие руководители или Советское государство не могут их отменить. Эти законы нельзя смешивать с законами, которые издают правительства и которые имеют лишь юридическую силу. Экономические законы Сталин отождествляет с законами природы, познание которых позволит применить их на пользу человечеству. Он пишет, что "... законы экономического развития являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, ... но они не могут уничтожить

их или создать новые экономические законы" (Там же. С. 221). Эта мысль повторяется им неоднократно: "Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если, конечно, они имеются, но нельзя их "преобразовать" или "уничтожить"" (Там же. С. 225).

Материалистическая обусловленность происходящих социальных процессов, признанная в политической экономии социализма важнейшим постулатом, выражается также законом об обязательном соответствии производственных отношений уровню

- 227 -

и характеру развития производительных сил, заявленному еще Марксом.

Вторая особенность российской экономической мысли, представленная в политической экономии социализма, - рассмотрение общества как единства экономики, политики и идеологии. Этот социологический взгляд напрямую отражен в названии учения и содержится в его основных положениях. Действительно, в отличие от других "политических экономий", здесь речь идет об обществе с определенной социальной идеей, а именно, идеей социализма, - одним из составных элементов концепции. Если "духовная политическая экономия" Ивана Посошкова опиралась в идеологическом отношении на православие, то ее "наследница" XX в. заменила религиозную идею научной, что отражало закономерности времени.

Само представление об изучаемом в политической экономии социализма объекте - обществе, также включает в себя экономические, политические и идеологические компоненты. Экономические отношения в этой теоретической модели образуют так называемый базис общества, а политические и идеологические - его надстройку. Соответственно, надстроечные отношения определяются базовыми. Крылатые ленинские выражения: "Политика есть концентрированное выражение экономики" или "Коммунизм (идея. - С.К.) есть Советская власть (политика. - С.К.) плюс электрификация всей страны (материальная база. - С.К.)" образно и четко отражают эту связь.

Нельзя не отметить, что осознание единства экономической, политической и идеологической сфер в советской политэкономии социализма, по сравнению со взглядами Посошкова, становится более глубоким. Это выражается в фиксации многообразных связей между ними, констатации их взаимообусловленности, введении и разработке понятий, выражающих эти связи. Так, развитие концепции коммунистической партии (при всех достижениях и заблуждениях ее разработчиков), задача которой - обеспечение соответствия между тремя названными сферами, является одним из таких примеров¹.

Наконец, социологический подход выражает себя и в том, как понимается в политической экономии социализма основной экономический закон. Для рыночных экономик основным законом - это было зафиксировано Марксом, - является максимизация прибыли, другими словами, он относится к экономической сфере как таковой, действует "внутри" нее. В отличие от этого формулировка основного экономического закона социализма - "обеспечение максимально-

1. Специфика методологического подхода российских исследователей ярко проявляется при сравнении этой концепции с учением о партиях, разрабатываемых в зарубежной

го удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники" (Там же. С. 253), если абстрагироваться от декларативного характера его воплощения, содержит в себе попытку перейти от экономических терминов к социальным. Экономика здесь явно предстает как один из составных общественных элементов, который действует по законам этого общественного целого, выступающего по отношению к экономике "внешней" силой.

Третья особенность российских экономических теорий также характерна для политической экономии социализма. Речь идет о направленности исследований на законы развития общества как целого, на анализ поведения больших групп людей в противовес анализу моделей индивидуального поведения. Такой подход, характерный для главного источника политэкономии социализма - марксизма, лег в нашей стране на благодатную почву, поскольку соответствовал самому духу, размаху и стилю российского мышления. "Хочешь иметь дело с марксизмом, - говорил Сталин, - имей одновременно дело с классами, с массой..." (*Слово товарищу Сталину*, 2002. С. 474). Более того, в политической экономии социализма категориями анализа выступают уже не столько классы, как это было у Маркса, сколько "общественные силы" с единым общественным интересом. Поэтому исследовательской и, соответственно, практической задачей является не столько анализ противоположностей между социальными группами, например, между городом и деревней или умственным и физическим трудом, сколько выявление общего в них. На наш взгляд, здесь очевидна попытка рассмотреть все население как единое целое, реализовать холистический подход к социальной сфере. В отличие от тезисов Маркса о классовой борьбе как источнике социального развития, политическая экономия социализма, развиваемая в традициях российской экономической мысли, пытается выявить источники общественного согласия, коллективного начала, обеспечивавшего выживание огромной страны в непростых условиях. Социалистическая идея представлялась в данном случае таким возможным источником социального консенсуса.

Наконец, четвертая особенность, характеризующая политэкономия социализма как преемницу российской традиции экономической мысли, - это выявление и описание законов "другой экономики". Собственно говоря, это и составляет само содержание политической экономии социализма. Большинству экономистов нашего и старшего поколений эти законы хорошо известны из учебников, по которым мы учились. Тем не менее для цельности изложения мы на них остановимся.

Главным отличием хозяйственной системы социализма, доминировавшей в СССР, от других систем, называемых в этом дихотомии-

ческом ряду "капиталистическими системами", является общественная собственность на средства производства. Она противостоит институту

частной собственности, характерному для рыночных экономик "несоциалистических" стран. Соответственно, в такой системе отсутствует наемный труд в марксистском его понимании, и связанная с ним, как полагали сторонники политэкономии социализма, система эксплуатации, а закону конкуренции противостоит закон планомерного пропорционального развития производства, который "возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме" (Сталин. С. 224).

Выявление особенностей социалистической экономики, понимание ее собственных законов, к которым относятся упомянутые закон развития общественной собственности и закон планомерного и пропорционального развития, а также закон о непосредственно общественном характере труда при социализме - преимущественное, но не единственное направление исследований экономической реальности, проводимых в рамках политической экономии социализма.

Другой не менее интересный фокус анализа - проявление экономических отношений из "капиталистических экономик", которые действуют в условиях доминирования социалистической общественной системы. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, в политической экономии социализма признается сам факт сосуществования "социалистических" и "капиталистических элементов", вызванный, как полагали теоретики того периода, исторической необходимостью. Это касается и наличия товарного производства при социализме, и необходимости развития советской торговли, и важности категорий рентабельности, цен и т.д.

Во-вторых, политическая экономия социализма обозначает "чужеродные" рыночные формы как дополнительные инструменты, действие которых ограничено рамками базовых экономических отношений. Так, товарное производство в СССР "поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации" (Там же. С. 231). А сфера действия закона стоимости "ограничена у нас наличием общественной собственности на средства производства, действием закона планомерного развития народного хозяйства" (Там же. С. 238). Также и рентабельность в рамках закона планомерного развития производства существует как дополнительный инструмент оценки народнохозяйственной эффективности. Неправильно полагать, пишет Сталин, что "закон планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства уничтожают принцип рентабельности производства. Это совершенно неверно" (Там же. С. 239). Рентабельность используется при оценке и

- 230 -

отдельных предприятий и отраслей производства, и для оценки уровня эффективности народного хозяйства в целом.

В-третьих, отмечается модификация рыночных элементов, действующих в условиях социалистического хозяйства. Хотя зачастую они сохраняют те же названия, сущность их в условиях социалистических отношений становится иной. В анализируемой работе читаем: "...наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода,... которому суждено обслуживать совместно с его "денежным

хозяйством" дело развития и укрепления социалистического производства" (Там же. С. 232). Здесь "новое ("социалистическое". - С.К.)... проникает в старое ("капиталистическое". - С.К.), меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для своего развития. Так обстоит дело не только с товарами, но и с деньгами в нашем экономическом обороте, так же и с банками, которые, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем" (Там же. С. 264). Таким образом, констатирует Сталин, "от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же, они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства" (Там же. С. 265). При этом не всегда метаморфозы "капиталистических" элементов, внедряемые в практику социалистического строительства и объективно его поддерживающие, замечаются теоретиками. Например, так произошло с конкуренцией, которая была отвергнута на макроуровне, но внедрена в микроэкономике под видом соцсоревнования и дала ей импульсы для развития. Как отмечает в связи с этим Сталин, "до начала разворота массового соцсоревнования рост промышленности шел у нас со скрипом..." (Там же. С. 242).

Итак, подытоживая краткий анализ политической экономии социализма, полагаем возможным согласиться с тем, что она представляет собой характерный образец российской экономической мысли. В ней нашли свое отражение и получили дальнейшее развитие такие ее черты, как объективистская парадигма, социологичность и холистический подход к анализу экономических процессов, а также формулирование специфических законов, характеризующих хозяйственную жизнь России.

12.4. Резюме

Специфика российской школы экономической мысли, представленная нами на выборке из трех работ, проявляется, конечно, не только в них. Во многих трудах российских обществоведов разных веков можно увидеть - в более или менее явной форме - названные

- 231 -

черты². Частично они отражают особенности национальной культуры и способ теоретизирования наших ученых. Так, в филологии в этом случае говорят о русском академизме, в философии - о русском космизме, в культурологии - о широте русской души и т.д. В экономической науке эта особенность реализуется в выходе за пределы узко понимаемого предмета, в рассмотрении экономики как части социального мира, принимаемого таким, каков он есть. В занятиях экономической наукой русский, т.е. живущий в России, человек, очень часто реализует свое холистическое мировоззрение, считая необходимым рассуждать о проблемах общественного устройства в целом. Вот, например, как характеризовал только что появившуюся в России XVIII в. экономическую науку историк Николай Полевой: "Политическая экономия есть одна из тех наук, которые быстрее других развивают здравые понятия о сущности гражданских обществ и приводят нас к истинной стезе общественного счастья" (Полевой, 1827. С. 119-120).

Иностранцы также не раз отмечали, что в словосочетании "политическая экономия" русские всегда делали упор на слове *политическая*. Политический и, более того, социальный аспекты экономической мысли, по их мнению, всегда приобретали у нас особое значение. В книге немецкого ученого, писавшего в 20-х годах XX в., Х.Ю. Серафима, читаем: "Это характерно для русского национального характера, что в политической экономии, когда и поскольку она самостоятельно разрабатывается русскими, на первый план выдвигается социальный момент" (*Serafim*, 1925. P. 47; *Normano*, 1945. P. 19).

А теперь отвлечемся от исторического ракурса и посмотрим на развитие российской экономической мысли совершенно с других сторон. Одна из них - сугубо внутренняя, касающаяся того, как складывались методология и категории российских экономических теорий. Другая сторона - внешняя, определяющая последствия экономических теорий для социальной практики.

Первое наблюдение касается того, как формируется понятийный аппарат российских экономических теорий. Об этом вряд ли можно судить по работе Посошкова, которая является, скорее, предтечей последующих исследований и вызовом будущим российским теоретикам. Но в теории С. Шарапова, политической экономии социализма, - как и в нашей концепции X- и Y-экономик, - замеченная тенденция проявляется в полной мере: изначально понятия и схемы, на основе которых анализируется затем российская социально-экономическая реальность, поступают извне. Они берутся либо в качестве уже готовых доктрин (марксизм для политэконо-

2. К ней относят, например, также евразийскую "теорию хозяйствования" (подробнее об этом см. *Воейков*, 2003).

мии социализма), либо в качестве первичных образов-понятий (как в теории институциональных матриц, начавшейся с термина К. Поланьи и Д. Норта). Затем эти понятия и схемы интерпретируются в традициях нашего мышления, соотносятся с реальными фактами российской действительности, модифицируются, развиваются - и в результате получается оригинальное произведение, лишь реминисцентно напоминающее первоисточник. Посмотрим, например, на известный Собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Наметанный глаз уловит здесь и очертания татарской шапки, и готический шпиль, и секреты создания куполов итальянских мастеров, но все вместе - "оригинальная российская разработка", неоспоримый шедевр русской архитектуры. Не является ли этот образ парадигмальным для российской экономической теории, и не только для нее?

Другой момент, на который бы хотелось обратить внимание, касается возможного позиционирования России во внешнем мире вследствие тех или иных экономических воззрений, получающих общественное признание. Поясним, о чем идет речь. Работа Посошкова, реформатора и одновременно приверженца "московской старины", крепкого купца и зажиточного человека, призывает к наведению в России порядка. При выборе мер он исходит из самодостаточности и мощи России, полагая возможным на собственных материальной и духовно-нравственных основах развить все необходимые производства

и институты. В предложениях Посошкова находим и призыв на годы воздерживаться от заморской торговли, если цены нам не понравятся, и предложения развить у себя все те производства, - полотняные, стеклянных товаров и пр., продукцию которых мы вынуждены завозить, и критику иноземных правил экономической политики, например, скепсис в отношении цены денег как "цены содержащегося в них металла". Если обобщить его взгляды, то их можно назвать изоляционистскими, - "Мы, мол, сами с усами", и, выражаясь современным языком, заграничные "институциональные формы" нам не нужны. В этом русле находятся и рассуждения Шарапова, развивавшего русскую политическую экономию.

Посмотрим теперь на политическую экономию социализма. Здесь принципы российского общественного устройства, в тот период - это социалистическая система, также полагаются единственно верными, т.е. абсолютно социально справедливыми. В то же время признается необходимость и целесообразность функционирования "капиталистических форм", но в модифицированной форме и временно, поскольку они являются "наследием и пережитками". Названные принципы находят свое логическое продолжение в необходимости мировой социалистической революции, которая справедливые нормы утвердит повсюду, а "пережитки" перестанут существо-

- 233 -

вать, поскольку основа их воспроизводства - капиталистическая система - исчезнет. Такая концептуальная схема, сама по себе последовательная, хотя и ограниченная, породила практические реализации в виде агрессивной внешней политики Советского Союза, особенно на первых этапах.

Другими словами, Россия Посошкова - это прогрессивно развивающееся на своей собственной основе государство, которое замкнуто в своих границах и привычках, т.е. само по себе Вселенная, как образно выражаются российские философы. Россия Шарапова - это сознающее себя в мировом пространстве государство, настороженно относящееся к окружению, но не чурающееся его. В то время как Россия Сталина - это центр мирового государства, мировой социалистической системы, это Россия, заполонившая весь мир, всю Вселенную, содействующая повсюду установлению справедливых, по ее мнению, порядков. А что дает для понимания места России в мире же концепция X- и Y-экономик? Ответ на этот вопрос - в Заключении работы.

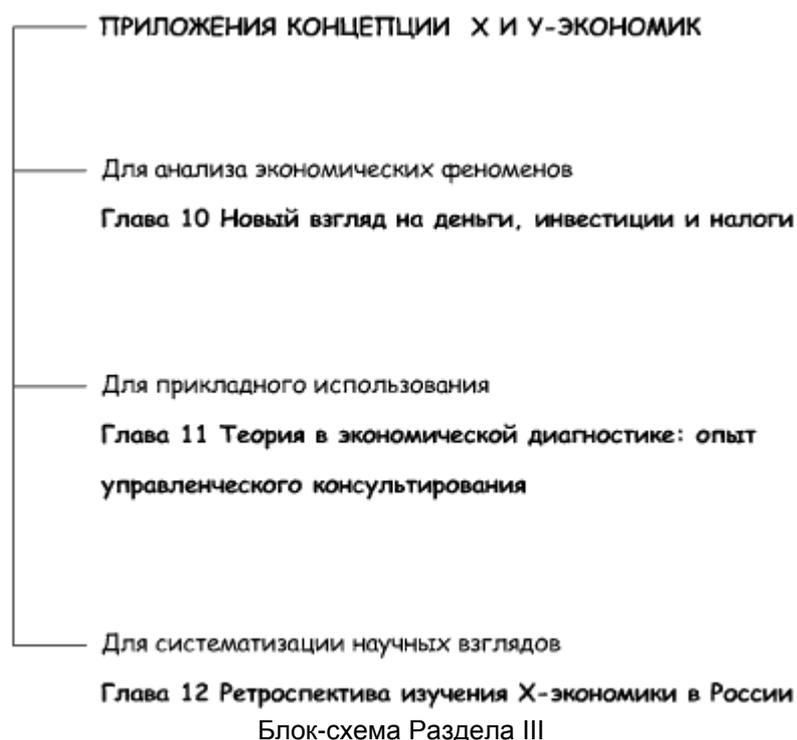
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО РАЗДЕЛУ III В ЦЕЛОМ

Для того чтобы увидеть нечто новое, особенно в малоизвестном, необходима помощь. Когда мы приезжаем в другой город или страну, мы обращаемся к экскурсоводу или местным жителям. Они обратят наше внимание на достопримечательности, которые мы сами можем и не заметить. Или приходим к кому-нибудь в гости в новую квартиру, и хозяйка проводит нас по ней, отмечая удачное расположение комнат или вид из окна. Как правило, именно то, на что было обращено наше внимание, мы и запомним после своего первого посещения.

В аналогичном качестве "гида" часто используются и теоретические концепции. В последнем, третьем, разделе книги мы показали такое

применение концепции X- и Y-экономик для анализа конкретных экономических феноменов, в прикладной работе консультанта и для систематизации научных взглядов (рис. 10). Это - лишь первый опыт применения новой теории в инструментальном качестве. Мы надеемся, что с ее помощью нам удалось обратить внимание и привлечь интерес читателя к тому, что раньше оставалось вне поля рассмотрения и анализа. Например, увидеть общее во взглядах российских экономистов, размышлявших о национальном хозяйстве в течение последних нескольких сотен лет. Ведь известно, что при институциональном анализе, когда одним из основных является исторический метод, прогнозирование и предвидение в значительной

- 234 -



мере опираются на прошлое. Парадоксально, но в этом случае прошлое для нас становится важнее настоящего. Почему? Потому что "Мы научимся рационально предсказывать будущее только после того, как предскажем, в некотором роде, прошлое...(Comte, 1907. P. 460, Цит. по: Гофман, 2003. С. 89). С помощью новой концепции, возможно, нам удалось подчеркнуть необходимость учета реальной специфики российской X-экономики при разработке экономической стратегии для крупных хозяйственных структур. И, наконец, по-новому взглянуть на те проблемы, которые возникают при переносе институциональных форм из рыночной Y-экономики в отечественную хозяйственную среду.

- 235 -

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы, как правило, остаются неизменными. Меняются ответы на них.

На наш взгляд, одним из постоянных вопросов, стоящих перед науками - естественными и социальными, - является вопрос постижения законов гармонии окружающего мира. Поиски истины - это поиски красоты, и наоборот. Ответами на эти вопросы являются создаваемые учеными разных поколений теории и концепции.

Теории, в которых выявляются основные законы развития человеческого общества, его внутренняя, почти не воспринимаемая обыденным сознанием, но вскрытая человеческим разумом гармония и очевидность, образуют ее фундаментальную компоненту. Они составляют основу того стройного знания, которое со временем, хочется верить, будет способно объять неповторимый, изменчивый, сложный, как Вселенная, человеческий социум.

Прекрасная задача поиска законов гармонии окружающего мира, слабо реализуется в мировой и, особенно, в отечественной экономической науке. Больше внимания она уделяет проблемам и нерешенным вопросам. Не остается ли за пределами наших исследований множество жизненно важных процессов, которые также требуют пристального внимания? Как любая материальная реальность, общество - в том числе и российское - живет и развивается. Это утверждение скорее разделяется большинством ученых, чем оспаривается. Развитие общества обеспечивается постоянным действием определенных самовоспроизводящихся структур. Именно благодаря им общества существуют и совершенствуются, несмотря на многочисленные проблемы, нарушения и отклонения, которые так придирчиво исследуются отечественными и мировыми экономистами. Эти несущие структуры существуют как воздух, которым мы дышим, но не замечаем его, фиксируя свое внимание лишь на проблемах воздушного загрязнения или вредных выбросов.

Представленные в книге константы разных типов экономических систем - базовые институты X- и Y-экономик, - образуют, на наш взгляд, такие "несущие конструкции", основания хозяйственной жизни. Понимание таких оснований может содействовать не только более осмысленному, но и менее конфликтному развитию и взаимодействию разных государств.

- 236 -

Сложившееся в России социально-экономическое устройство определяется природой свойственной нам институциональной X-матрицы. Точно так же, как для "западных" стран, формировавшихся в иных материально-технологических условиях, естественными являются порядки, базирующиеся на институциональной Y-матрице. Альтернативные институциональные Y-институты, имеющие комплементарный характер, играют в нашей X-экономике чрезвычайно важную роль, и их надо развивать в тех пределах, когда они способствуют развитию, а не распаду институциональной структуры. Аналогично в странах с Y-экономикой полезны институциональные X-формы, которыми они заполняют market failures (провалы рынка).

Если процессы будут развиваться естественно, то можно предполагать укрепление контактов (вплоть до интеграции) между странами, характеризующимися одним типом институциональной матрицы и подобным экономическим устройством. Выражением этой тенденции служат расширение рамок Евросоюза (без участия России)

или создание различных объединений в азиатской и юго-восточной частях мира (с участием России). В то же время возрастает целесообразность обмена и сотрудничества стран с альтернативным типом институциональных структур, поскольку это позволяет и тем, и другим увеличивать темпы развития за счет получения "готовых" комплементарных элементов, поддерживающих институциональный баланс в обществах.

Экономические теории, при всей их кажущейся абстрактности, всегда оказываются тесно связанными с общественной политикой и идеологией. В допетровское время теории Ивана Посошкова обосновывали российский изоляционизм. А политэкономия социализма служила одним из оснований мировой экспансии и активной внешней политики советского периода. В отличие от них, концепция институциональных матриц возвращает нас к центру, отклонениями от которого в противоположные стороны можно считать названные теории. В соответствии с нашей концепцией, Россия, как и другие страны, - это одна из возможных реализаций хода исторического развития, не лучше и не хуже других. Россия заинтересована во взаимобмене с другими государствами, чтобы расширять и разнообразить собственный путь в границах своего эволюционного коридора.

Институциональные матрицы задают два типа траекторий эволюционных изменений, в том числе и в экономической подсистеме общества. Они же определяют границы возможных трансформаций, допуская модификацию хозяйственных форм и правил до тех пор, пока не нарушается равновесие, при котором базовые институты занимают доминирующее положение. Это означает, что глобальная экономика одновременно и эволюционирует, и трансформируется. Эволюция протекает в двух основных направлениях, при которых X- и Y-экономики, обмениваясь результатами развития, со-

- 237 -

храняют присущее им институциональное ядро. Трансформация означает постоянное изменение форм, в которых выражают себя базовые и комплементарные институты, но не поглощение одного типа экономик другими.

И последний момент, на который хотелось бы обратить внимание. Если основная задача современных обществ - это достижение взаимопонимания между разными странами в экономической сфере, то оно не возможно без консенсуса по поводу самих ее теоретических основ. И средством этого консенсуса могут стать или общая экономическая теория (в возможности построения которой сильно сомневаются многие исследователи¹), или органическое соединение достижений различных теоретико-методологических подходов. Представление о едином мире предполагает возможность соотнесенности элементов этого единства, что, в свою очередь, требует построения универсальной системы координат, позволяющей описывать даже альтернативные явления и процессы. Институциональный анализ X- и Y- экономик в рамках общей концептуальной методологической схемы - попытка движения именно в этом направлении.

1. Нобелевский лауреат 1983 г. Ж. Дебре (Калифорнийский университет, США) полагает,

что "Великая Единая теория останется и в будущем недостижимой для экономической науки; она будет по-прежнему означать некую совокупность отдельных теорий" (*American Economic Review*, 1991. Vol. 81. N 1. P. 3).